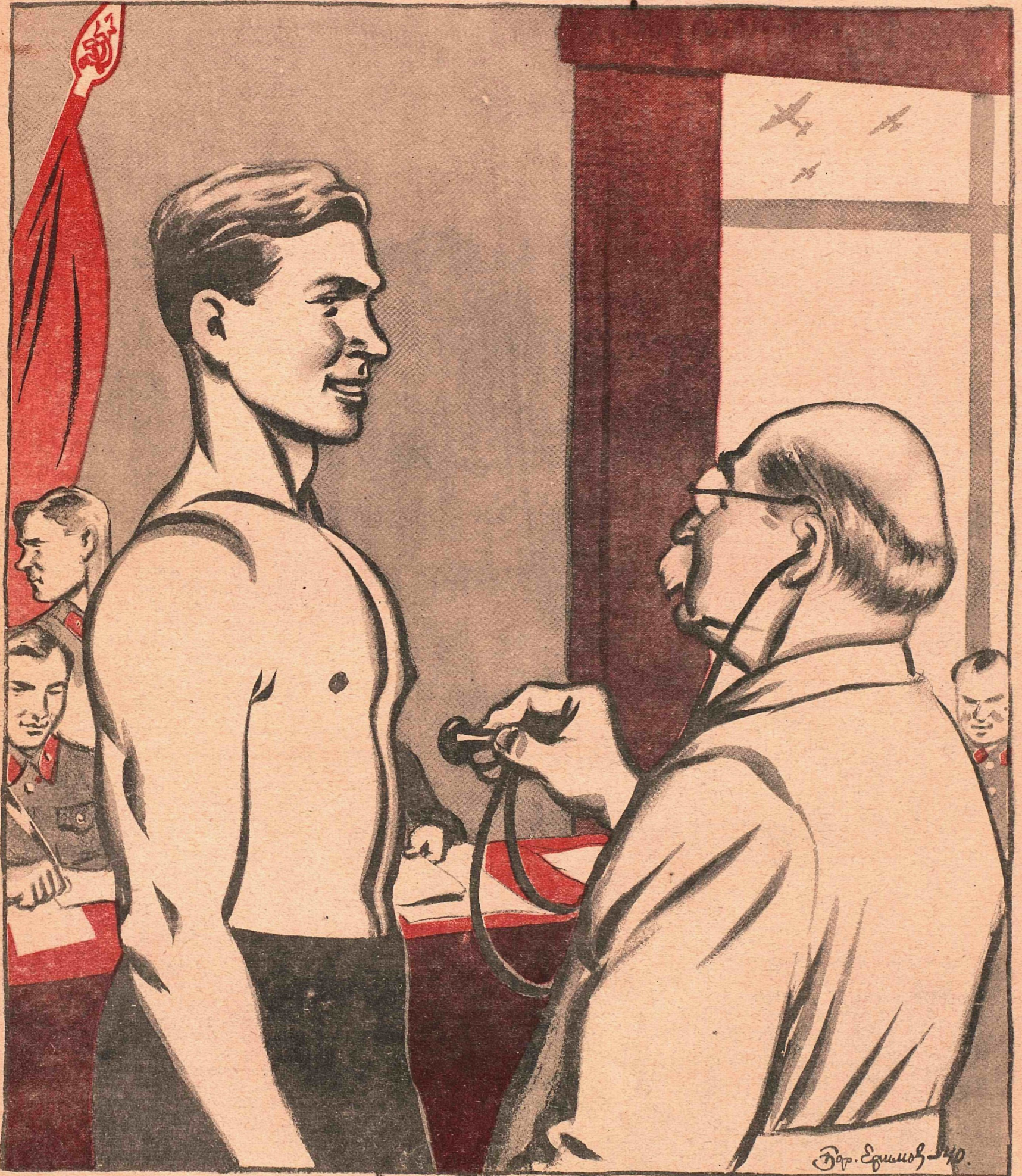

К Р О К О Д И Л

НА ПРИЗЫВНОМ ПУНКТЕ

— А ну, повернитесь спиной.
 — Зачем, доктор? Ведь мне никогда не придется это делать.

Рис. Бор. Ефимов

К 556/41г

Примечание Крокодила. Придирчивая редакция порой освещает „шалости“ почты. Но в настоящем случае невозможно придаться ни к одной почте мира.

Все в порядке!

УЖ НЕБО осенью дышало, уж реже солнышко блистало, короче становился день, лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась...

Словом, пришла осень, и наступил новый театральный сезон.

Когда мы пишем эти строки, артисты московских театров уже начали съезжаться в столицу.

Советский зритель может быть спокоен: все будет в наилучшем виде. Об этом наднях сообщила нам «Вечерняя Москва»:

«Вот О. Л. Книшпер-Чехова, А. К. Тарасова, Н. П. Хмелев, Ф. В. Шевченко, В. Г. Сахновский, М. И. Прудкин, отдохнувшие и полные желания и сил к (!) дальнейшей творческой работе».

Другими словами: старик Каренин перестал кашлять, Анна загорела, Вронский прибавил два кило... Все в порядке! Дайте третий звонок! Можно начинать спектакль.

Газеты пестрят заметками «Накануне нового театрального сезона». Худруки и директора спешат поделиться с читателями своими планами.

Театр драмы оповещает: готовятся к постановке «Много шума из ничего» В. Шекспира и «Прейскуранты» М. Климатова.

У театра комедии совершенно другие заметки: «Прейскуранты» М. Климатова и «Много шума из ничего» В. Шекспира.

Программа Воронежского театра целиком повторяет программу театра драмы.

Что касается Саратова, то там всецело пошли по стопам театра комедии.

А Ростовский театр решил: и нашим и вашим. Он взял одну пьесу театра драмы и одну — театра комедии.

Это пока первые, робкие шаги. Худруки и директора, не переставая думать о зрителе,

кинулись в архивы в поисках ходких пьес седой древности.

Старые, давно забытые драматурги нервно переворачиваются в гробах в ожидании своей очереди.

Каждый театр пытается перещеголять остальные глубоким проникновением в прошлые века. При этом извлекаются из библиотечных склепов такие авторы, о которых даже современники не имели никакого понятия.

Один театр умудрился найти рукопись генуэзского драматурга XII столетия Педро ди Сборо. Это комедия под названием «Жертва аншлага».

Уже стали переписывать роли. Но вдруг случайно выяснилось, что никакого Педро ди Сборо не было в Генуе ни в XII, ни в другом столетии. А комедию сочинил в XX веке обиженный артист этого театра. Артисту объявили выговор.

Как видите, все в порядке! Накануне театрального сезона уже появились первые склоки между отдельными деятелями театрального искусства.

Начал склоку небезызвестный Шиллер, сделал грубый выпад против Шекспира.

Короче говоря, он присвоил себе одну из лучших шекспировских трагедий (все 5 актов!) — «Отелло».

Все это мы наднях узнали из афишки Мариупольского государственного драматического театра. В этой афишке крупным шрифтом напечатано, что билеты продаются на спектакль... Шиллера «Отелло».

Все в порядке! Уже театральные критики и рецензенты, отдохнувшие и полные желания и сил к дальнейшей творческой работе, начали писать статьи.

Один из них написал (о хитрец: даже

не подписался!) в «Алтайской правде» (22 августа 1940 года) статью «Разговор о театре». В этой статье критик всячески поносит руководителей Барнаульского театра:

«Вместо того чтобы поднять художественный уровень постановок и пересмотреть репертуар, руководство театра встало на путь «угождения» зрителю».

Чем же «угождают» зрителю барнаульские работники искусства?

«В репертуар были включены «кассовые» пьесы преимущественно комедийного жанра».

Вот как! Докатились до комедийного жанра!

Что же это за зловредные пьесы такие?

«Комедии «Хозяйка гостиницы» Гольдони, «Сады цветут» Масс и Куличенко, «Страшный суд» Шкваркина...»

И автор этой глубокомысленной статьи приходит к печальному выводу:

«Наметилась явная тяга к комедиям».

Это действительно страшно — тяга к комедиям! Надо немедленно принять меры и пресечь вкоре. Барнаульцы не должны смеяться!

«Перемены в театре, — продолжает автор статьи с разрешения редакции «Алтайской правды», — пытаются объяснить тем, что барнаульцы любят посмеяться».

Да, любят. И в первую очередь они вместе с нами посмеются над сочинителями неудачных, мягко выражаясь, статей о театре.

Все в порядке! Уже скучные люди, «отдохнувшие и полные желания и сил к дальнейшей творческой работе», крутятся-вертятся вокруг театральной сцены.

Г. РЫКЛИН

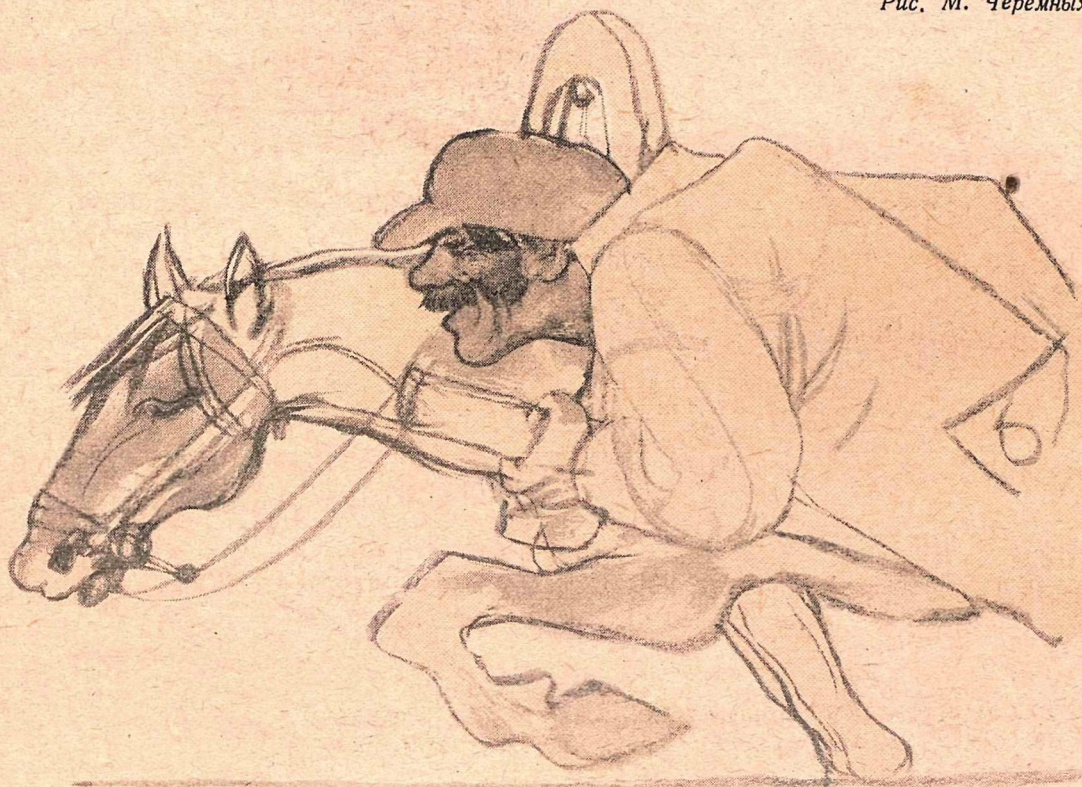
СМЕРТЬ КОРОЛЯ АФЕРИСТОВ

В Лос-Анжелосе умер англичанин Артур Фергусон, славившийся королем американских аферистов. Мошеннические проделки Фергусона являлись постоянным источником веселья для Америки. Газеты напоминают о некоторых аферах, создавших славу Фергусону. Одной из них была продажа знаменитых часов «Big Ben» Вестминстерского аббатства. Эти часы Фергусон продал одному легковверному американцу за 5 тысяч фунтов стерлингов. Надувательство раскрылось лишь тогда, когда рабочие явились снимать с башни часы.

Вторым трюком Фергусона была следующая афера. Он продал какому-то австралийцу за 100 тысяч долларов наличными деньгами всемирно известную статую Свободы, расположенную при входе в Ньюйоркскую гавань. Конечно, одураченному покупателю не удалось получить статую Свободы, зато Фергусону мошенничество принесло широкую популярность. Через некоторое время он поразил американцев новым плутовством: он умудрился сдать в аренду на пять лет институту красоты не что иное, как... Белый дом в Вашингтоне—резиденцию президента США!

Газеты заканчивают свой некролог королю аферистов замечанием, что остроумные мошеннические проделки Фергусона принесли ему славу, капитал и покой на старости лет.

(«Пестер Ллойд», Будапешт)

— Н-но!.. Прошу вас н-но!.. Будьте любезны...

Рис. Б. Пророкова

— Одну минутку! Не двигайтесь!

В ЗАБОТАХ О ПОТРЕБИТЕЛЕ

Как-никак, может быть, еще немножко медленно, но все-таки обслуживание советского потребителя в «Гастрономе», парикмахерских, столовых все улучшается и улучшается...

Внесла в это дело свою лепту и директор столовой № 177 Таганского треста М. П. Саутина. На одном из последних производственных совещаний работников столовой она предложила запретить официанткам (что бы вы думали?)... улыбаться посетителям,

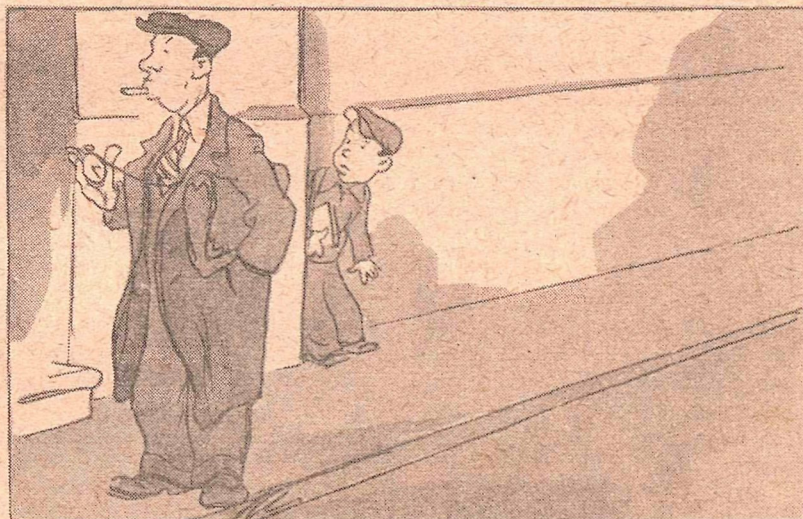
так как это мешает официанткам работать...

Мы уверены, что Саутина имела в данном случае в виду не только официанток, но и интересы посетителя.

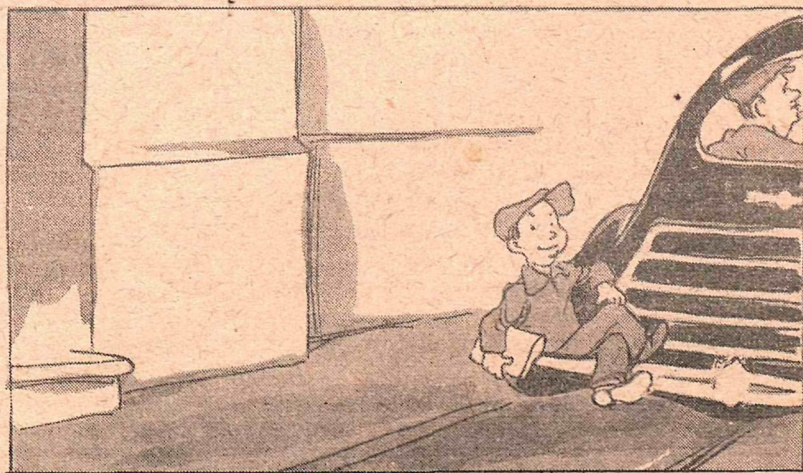
Она, наверно, на основании многолетнего личного опыта пришла к тому выводу, что посетитель любит, когда на него смотрят волком, грубят и просто не замечают, но терпеть не может, когда ему улыбаются.

И вообще что это за манера — улыбаться?!

Рис. А. Баженова

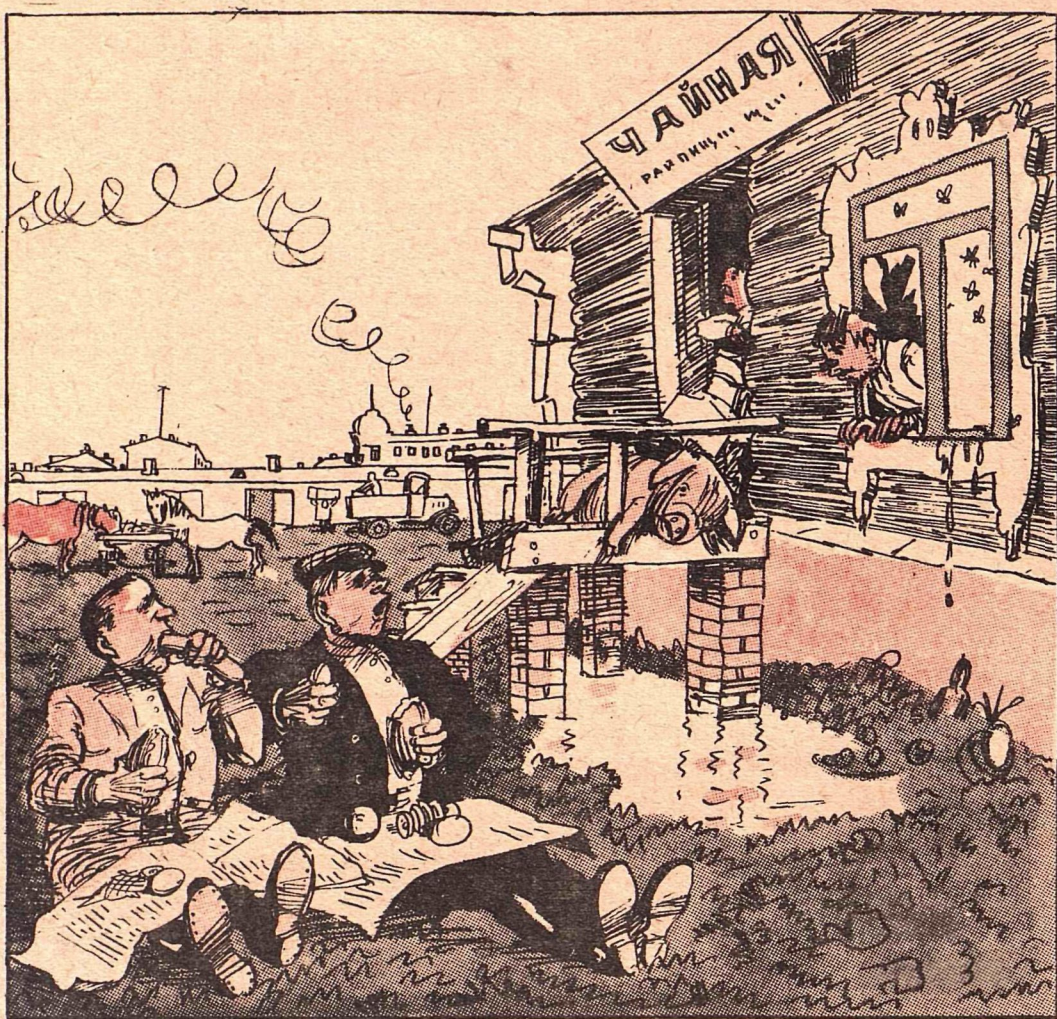

— Опять машина опаздывает!..

— Наконец-то!.. Поехали!..

Рис. А. Каневского

— Что ж вы это? Пожалуйте в чайную.
— Нет, спасибо, голубчик! Нам бы где почище.

Все важно в этом мире

ЭТИМ летом я жил на даче и каждый день ездил в город.

И ничего, не особенно переутомился.

Конечно, я не любитель в дачных поездах ездить. Не скажу — грязно. Но неудобства все-таки имеются. Рядом кто-нибудь луком дышит. Или свой чемодан на колени ставит. Или вообще не влезть в вагон по причине переполнения.

Но вот отрадное явление. Поезда почти что перестали опаздывать. Приходят акуратно. И даже в другой раз раньше времени.

Так что с этой стороны я теперь всегда надеюсь на поезд: он меня не подводил, и я из-за него не опаздывал. Через это я сохранил в своем сердце пламенные чувства ко всем железнодорожникам.

Но вот на кассы я не надеюсь.

Давеча пришел на вокзал заблаговременно. Занял свою очередь и стою, не волнуясь. Думаю: «Кассирша вполне успеет продать пассажирам билеты».

Но проходит некоторое время, и мы видим, что касса еще закрыта.

Тут некоторые стали постукивать в окно. Стали покрикивать:

— Откройте кассу! Начинайте, черти, продавать билеты!

Открывается окошечко, и кассирша говорит:

— Ах, сегодня сколько много вас!

И начинает работу.

Работает хорошо, четко.

Но тут кто-то ей подает купюру в пятьдесят целковых. Происходит некоторая заминка, но потом опять все идет гладко.

И вот снова кто-то сует в окошечко крупную купюру.

И такое, представьте себе, стечение обстоятельств: четыре пассажира подают ей крупные деньги.

На четвертом пассажире кассирша высовывается из окошечка и кричит:

— Чтоб этого больше не было! Что вы сегодня, опухли, что ли? Все время подаете мне крупные деньги. Через это медленно идет торговля, и я теперь не даю гарантии, что всех вас опущу до прихода поезда.

Во время этой реплики раздается гудок. И вдаль показывается дымок паровоза.

Оставшиеся у кассы начинают проявлять признаки нетерпения. Они нажимают на кассу так, что дом трещит и барьер шатается.

В свою очередь кассирша проявляет чудеса быстроты и ловкости. Ее компостерная машинка стучит, как пулемет.

Но поезд уже на станции. Уже толпа людей кидается к вагонам. Уже начальник поезда машет своей фуражкой. И обер свистит в свисток.

Некоторые из оставшихся плюют на билеты и, как говорится, без оных вскакивают в вагоны.

Но человек восемь и в том числе я, грешный, остаются на вокзале.

Скандал. Крики. Вопли.

Подбегает начальник станции. Ему говорят: — Из-за вашей паршивой кассы мы опоздали. Что вы на это скажете?

Начальник говорит:

— Касса начала работать своевременно: за десять минут до прихода поезда. Мы не виноваты, что вы затрудняете кассира разменом крупных денег.

Один из оставшихся говорит:

— В таком случае открывайте свою кассу за полчаса, если не справляетесь.

Кассирша с визгом говорит:

— Мама дорогая! А когда же я буду ведомости составлять? И так я сколько время трачу на продажу дурацких билетов!

Один из оставшихся, немолодой мужчина в плюшевой толстовке, всплескивает руками:

Воспользовавшись тем, что еще много времени до прихода другого поезда, он произносит речь. Он говорит:

— Слушайте, вы, начальник станции! Поезда у вас приходят акуратно. Но в зале ожидания у вас грязно и нет воды. Мужская уборная закрыта на ремонт. А касса у вас под открытым небом, и пассажиров заливают дождь. Что касается самой кассы, то за это лето я шестой раз наблюдаю, как пассажиры остаются за флагом. Конечно, с вашей точки зрения, это, вероятно, мелочи: уборная, вода, касса, крупные купюры и т. д. Но позвольте вам сказать: все надо учитывать, все надо иметь в виду. Нет никаких мелочей! Все важно в этом мире.

Начальник станции говорит:

— Каждый гаврик мне будет мораль читать!

Мужчина в плюшевой толстовке говорит:

— Позвольте досказать свою мысль. Возьмите для примера военное дело. Там у них все согласовано. Во всем полное взаимодействие всех частей. Каждая мелочь совпадает, и каждая часть одновременно работает, как колесья одной машины. Самолеты бомбят. Танки наступают. Пехота движется. Машины подвозят горючее. Кухни варят обед. Кассы продают билеты. Врачи перевязывают. Техники чинят. И так далее...

Начальник станции говорит:

— Подымите с полу свой чемодан и подходите к кассе. А то сейчас придет поезд, и вы снова останетесь у меня, на что я совершенно несогласен.

Касса открылась. Вдали загудел поезд. И оставшиеся пассажиры поехали.

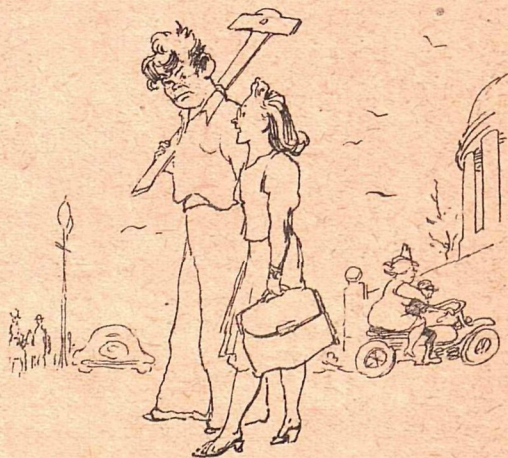
Не знаю, как они, но я на работу не запоздал, потому что я имею хорошую привычку выходить с запасом времени.

В этом смысле у меня нет полной согласованности со всеми остальными колесьями транспорта, и благодаря этому я выигрываю. Чего и вам желаю.

Заслуж. деят.

М. М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ

Рис. Б. Пророкова

— Я так волнуясь! Жора провалился на письменной!

— А тебе-то что?

— Так я ж у него всегда списываю.

— Так вы против отдачи островов Америке?
— Я не против. Но зачем же отдавать свои острова? Это не по-великобритански.

Волна

ПРОПОВЕДИ

В КОЛХОЗ «Маяк» приехал секретарь райкома Медузоз. Приехал он по кляузному делу. Бывший парторг «Маяка» Семен Чуйкин прислал в райком заявление, будто новый парторг, старик Ершов, «арестовывал библиотеку», «запретил лекцию», «прогнал с полей читчиков», то есть людей, которые читают на полях пахарям, косцам, вязальщицам газеты и книги.

Секретарь райкома Медузоз уже немолод, он видывал всякие виды, но ему никогда не приходилось слышать, чтобы парторг «арестовывал библиотеку» или «прогнал с полей читчиков». В райкоме сперва не поверили Чуйкину. Все знали, что этот человек сильно раздосадован тем, что его освободили от работы парторга. Члены райкома думали, что обиженный Чуйкин написал о новом парторге небывлицу, раздул муху в слона.

Было это в начале уборки. Райком рассылал во все колхозы уполномоченных. В «Маяк» он командировал кандидата партии Мышкина, заведующего городской парикмахерской, и наказал ему, между прочим, «расследовать заявление Чуйкина». Мышкин поехал и через три дня написал, что старик Ершов не допускает его к работе. Кроме того Ершов снял с витрины свежий номер «стенной» газеты.

Что такое? Ершов — спокойный, вдумчивый старик, хотя и не очень грамотный. При нем колхоз стал работать гораздо лучше чем при Чуйкине. И вдруг — такие дикости!

Колхозные коммунисты знали, что к ним выехал секретарь райкома Медузоз. Когда тот вошел в красный уголок, вся партийно-кандидатская группа была уже в сборе.

Старик Ершов, маленький, лысый, синеглазый, похожий на игрушку, сидел за столом спокойный, даже веселый. Рядом с ним стояла дюжая, большерукая огородница Пелагея Китаева. Старик, показывая ей книжку с рисунками огурцов и цветной капусты, говорил ласково:

— Ты обязательно, Харитоновна, пожуй эту книжку: она много внушает.

Войдя в красный уголок, секретарь райкома со всеми поздоровался. Был тут и председатель колхоза Саликов, средних лет человек, загорелый, черноволосый, похожий на цыгана. Здороваясь с ним, секретарь спросил:

— Ну, как с хлебосдачей?

— Думаем, товарищ Медузоз, что к воскресенью по хлебозаготовкам и натурплате зачислим все, — сказал Саликов.

Это было удивительно: бывало, здешний колхоз тянул с хлебопоставками чуть не до декабря, а нынче справился с ними в три недели.

Собрание началось с чтения заявления, которое прислал в райком Чуйкин. Читал заявление сам Медузоз.

Старик Ершов повернулся к секретарю, слушал, приложив ладонь к уху, как бы защищая его от посторонних шумов. Хотя заявление было страшное, лицо Ершова становилось все спокойнее и даже веселее.

Затем поднялся уполномоченный Мышкин, рыжеватый, тревожного вида человек. Он сказал, что Ершов не допускает его к работе и что вообще в колхозе «создалась невозможная обстановка».

Потом говорил бывший парторг Чуйкин, коренастый, сытый мужчина с обиженным, даже скорбным лицом. Впрочем, говорил он не больше минуты:

— Считал своим прямым долгом сигнализи-

ровать райкому о преступных извращениях, потому что (он вздохнул, и лицо его стало еще более скорбным) ведет наш колхоз прямым путем в пропасть.

Наступило молчание. Больше никто не хотел говорить. Коммунисты хмуро поглядывали на Чуйкина и уполномоченного.

— Могу отвечать? — спросил Ершов.

— Давай, — ответил Медузоз и посмотрел на старика с недоумением.

— По каким причинам, — начал старик, — выбрали меня секретарем и какие установки дал мне райком, — про это говорить не стану: тебе, товарищ Медузоз, это хорошо известно. И каких мы добились с товарищами коммунистами результатов, — все это, товарищ Медузоз, у тебя на глазах. А время у нас было мало. И то надо сделать, и это надо сделать, и у каждого человека надо совесть задеть, и хороший дух в нем поднять. А некоторые коммунисты-то, гляжу, все больше пустыми делами занимаются, которые совершенно поверх жизни идут. Другой крутится, прыгает, хрипит, а пользы от него — хоть бы чуть, потому что вся у него нагрузка мертвая и к жизни не касается. Хотя вот эти читки на полях брать. Зимой, осенью коммунисты по избам не ходят, сердечного политического разговора с людьми не ведут, а как сев или уборка, читки на полях делают в самый разгар работы. Читать, конечно, можно и в поле. Я не отрицаю, но надо с умом время выбирать. А они эти читки устраивают, когда им заблагорассудится. И на тебя, товарищ Медузоз, опираются: дескать, райком в обязательном порядке велел. Я, конечно, такой тени на райком не кладу. Это вон Чуйкин такую тень на райком кладет. И вот иду наперед по полю, гляжу: ветеринарша Кострюкова собрала вязальщиц, сидит на снопах и газетку читает, про Средиземное море им читает: какой на этом море интерес у Англии и какой — у Италии. У людей психология — отдохнуть и потом опять снопы вязать, крестцы класть, и им в данный момент это Средиземное море даже в тоску. Они и не слушают нисколько, а Кострюкова все им крутит и крутит да выпытывает, чего они про море поняли и чего недопоняли. Отозвал я ее в сторонку и, как секретарь, говорю: «Неужто ты, Прасковья Васильевна, не видишь, что ты их в тоску бросаешь, и они тебя вовсе не слушают, и получается у тебя не агитация, а «Алилуйя»?..» Она мне говорит: «У меня, товарищ Ершов, такая нагрузка уже четвертый год. Я не знала, что ты ее отменил...» А Сазонов Михаил, вместо того чтобы на бахчах работать и там стахановское дело завести, прикрепился к пятой полеводческой бригаде и морит людей книгой про английские колонии. Девки из стахановского звена мне много раз жаловались: «Мы бы, Иван Макарыч, во время перерыва помылись у колодца, друг на дружку воды из ведерка полили, а ты к нам все Сазонова посылаешь. Сидит он, чорт, и все про острова рассказывает: вот там урюк растет, а там сахарный тростник растет...» Позвал я Сазонова, говорю: «Бросай эту лабуду и на бахчи иди...» Или вон Чуйкин про библиотеку написал, что я заарестовал ее. Это он такой порядок завел: осенью, зимой изба-читальня запертая, а как только сев или молотба, он свою свояченицу и потом другую еще женщину, Капитонику Олену, зовет, посылает им по мешку книг и велит по полю из

бригады в бригаду ходить. Они ходят, а за ними — избач, а за избачом — Васька Кириухин с баяном. И опять же, товарищ Медузоз, на тебя ссылку делают: будто ты на районном собрании даже пример привел: дескать, вот в «Маяке» на полях ходят две передвижки и изба-читальня свою работу ведет в самой борозде. Я этому не доверяю и тень на райком класть не стану, потому что с этими передвижками и смех и грех. Если человеку положить на самосброжку книгу «Воскресенье» или про «Цемент», что ли, то человек сержается за эту глупость, потому что у него в данный момент психология — полтора или два трудодня заработать, а не про «Цемент» читать. Ну, вижу: ходит по полю с мешками чуть не целое звено. Я приказал им: «Складите мешки ко мне в рыдван, а сами становитесь на работу». Товарищ Мышкин, уполномоченный, обиделся: газету я у него снял. А того не понимает, что газета — не баловство, она от человека серьезности требует. Пускай он хоть две недели среди людей работает, но чтобы у него газета вышла, как огонь: и светит, и греет, и жгет. А он всю газету один написал. Вчера он, допустим, приехал, а уж нынче целую газету слепил. И у народа к ней интереса никакого нет, потому что там про жизнь ничего не написано, а так, одни звуки. Только в самом конце была статейка, кто у нас ударники и кто дармоеды. Дармоедом он обозвал Терентия Жукова: дескать, за целый день скошил только два гектара. А того не принял во внимание, что Жуков-то — инвалид: у него одна рука, одна нога — и он пришел на работу по своей охоте, по любви и взял жатку тоже инвалидную: она у нас без дела в сарае стояла. Выходит, кто ж колхозу Жуков? Самый дорогой человек. А Мышкин в дармоеды его. И про остальных все спутал. И вообще, если бы на него узду не надет, он много бы дров тут наломал. Кричит на бригадира Кузькина: «Почему овес косишь, а пшеница не тронута стоит? Государству пшеница дороже всего. Сейчас же поставь сюда три жатки!» Бригадир Кузькин говорит ему: «Это не пшеница, товарищ Мышкин, а ячмень, и косить его еще нельзя: он поздний, не поспел покуда». А среди народа и насмешники есть: «Вот какого начальника нам райком поставил!» Позвал я товарища Мышкина, говорю: «Ты на райком тень не бросай. Если не понимаешь в колхозном хозяйстве, то ходи и молчи. И никаких распоряжений бригадирам не давай». Теперь они жалуются, что я работу им заглушал. А чего я, товарищ Медузоз, заглушал? Только то и заглушал, что мертвое и совершенно глупое. А что жизненное, ты нам, товарищ Медузоз, только покажи, мы его на руках понесем и в массу поседем, и все тебе скажут великую благодарность. Мы уж тут много нашли, что жизненное, и агитацию все хотим вести так, чтобы она в глубину человеку ложилась.

Коммунисты смотрели на Медузоза. Тот раздумчиво произнес:

— Так, Та-ак! Ну, еще кто хочет высказаться?

Все видели, что речь Ершова о «мертвом» и «жизненном», о формальном и действительном, была для Медузоза неожиданной и сильно взволновала его.

Послышались голоса: «Хочу добавить», «Я тоже», «И я хочу тоже...»

А. КОЛОСОВ

1

НА ПУТИ в контору строительный десятник Яковенко увидел плотника Макарова и чуть не задрожал от радости: Макаров лежал на стружках возле бревен и крепко спал, вкусно причмокивая губами.

— Картина! Заснять бы для газетки! — пробормотал десятник, и на его лице появилось ехидное выражение.

Яковенко вынул часы, заметил время и принялся терпеливо ждать пробуждения плотника.

Вскоре десятнику стало скучно, и он помянул к себе проходившего мимо бойца пожарной охраны.

— Видал? — кивнул Яковенко на спящего. — Видал такую панораму?

— М-да! — сказал пожарный. — Спит себе, как дите в люльке.

— Так вот, будь свидетелем...

— Может, его разбудить?

— Нет, брат! Как двадцать одну минуту проспиг, так мы его и разбудим.

— Значит, вы на него в суд?

— А то как же!.. Оформим прогул — и под суд. Четыре месяца по пятнадцать процентов.

— Дороговато ему этот сон станет, — усмехнулся пожарный. — Пожалуй, рублей семьдесят за минуту. Рубль в секунду! Ого!

— Тс-с-с! — зашикал десятник. — Разбудишь!

Плотник, не разжимая век, повернулся на другой бок и захрапел, перекрывая шум транспортера.

— Здоров спать! — с уважением сказал пожарник.

— Недолго ему осталось, — пренебрежительно заметил Яковенко, взглянув на часы.

— У нас в команде топорник один тоже спать здоров, — сообщил пожарный. — Прямо умора, что с ним происходит на этой почве...

— А что?

— Да вот если разувшись ляжет, сразу разомлеет, и тогда его ни за что не поднять... Хотя какая тревога! Он и то иногда в сапогах спит. Как на нем сапоги, все спокойно, а как человек разуется, обязательно загорание... Струей тогда будим.

— Ну, этот сам встанет, — говорит десятник и снова смотрит на часы.

Когда проходит двадцать одна минута, Яковенко отказывается от мысли будить Макарова. Решено ждать, пока он сам проснется. Между десятником и пожарным продолжается неторопливая беседа.

Только на двадцать седьмой минуте плотник шумно вздохнул, открыл глаза и, пасмурно оглядевшись, поднялся.

— Гут морген! — ядовито сказал десятник. — Как спали? Не хотите ли кофею?

Плотник, часто моргая, посмотрел на Яковенко, потом на пожарника, почесался, сравнял сапогом свежую вмятину в стружках и виновато пробормотал:

— Ошибся... Не отрицаю.

— Попробуй отрицать! — улыбнулся десятник. — У меня свидетель имеется... Ну, пошли оформляться!

И все трое зашагали в контору.

2

Когда судья читал приговор, десятник Яковенко победоносно поглядывал на покрасневшего плотника и на публику.

— ...Макарова за прогул в рабочее время, — читал судья натруженным голосом, — подвергнуть принудительным работам к сроку на три месяца с удержанием 20% из заработной платы.

— Правильно! — сказал десятник.

— Виноват! — отозвался плотник.

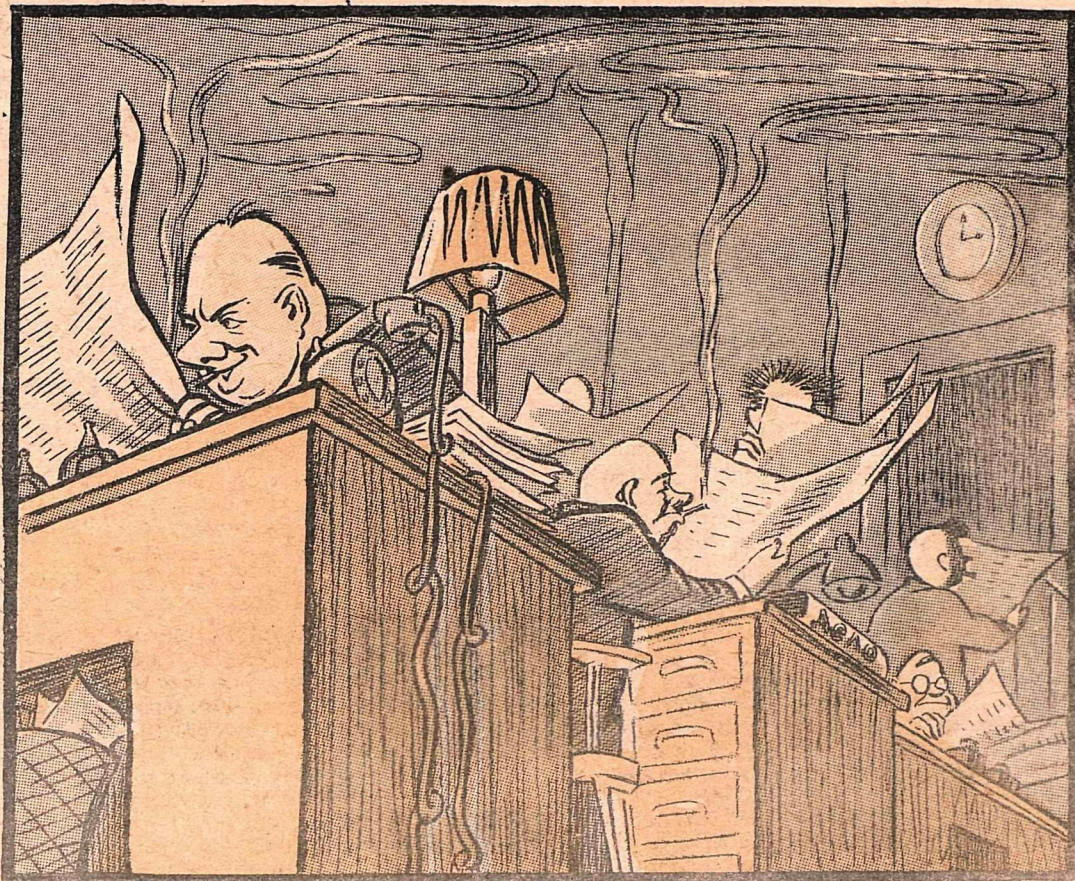
Судья продолжал читать:

— Десятника Яковенко за прогул в рабочее время, выразившийся в 27-минутном простое возле спящего, подвергнуть принудительным работам сроком на три месяца с удержанием 20% из заработной платы.

Яковенко был так удивлен и растерян, что не мог вымолвить слова. Но в публике уверенно сказали:

— Правильно!

Е. и С. ШАТРОВЫ

— Нет, вы только почитайте, сколько еще бездельников в наших учреждениях...

Баллада о ресторане

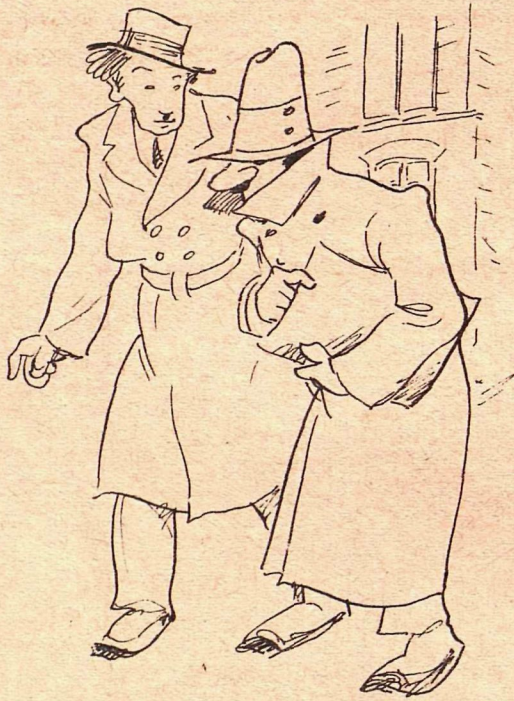
Обсуждали, утверждали
Много долгих лет,
Составляли, исправляли
Много длинных смет.
Презируя затрудненья,
Не щадя затрат,
В продолженье полугода
Набирали штат.
Рисовали, браковали
Много чертежей.
Возводили, городили
Много этажей.
И, к всеобщему восторгу
Наших горожан,
В центре города открыли
Новый ресторан.
И ко дню его открытия,
К праздничному дню,
Председатель горсовета
Утвердил меню:
Нуагеты и котлеты,
Семга и салат,
Изрубили в чехохбили
Тысячу цыплят.
А от низа до карниза
Очень высоко
Шли балконы и колонны
В стиле рококо.
Драгоценной полировкой
Поражая всех,
Был разделан каждый столик
Чисто под орех.
Сквозь узорчатые окна
Был веселый свет.
Каждый мог по вкусу выбрать
Завтрак и обед.
Но внезапно тучи скрыли

Ясный горизонт:
Надпись на дверях прибили:
«Заперт на ремонт».
Соскоблили штукатурку,
Взяли дом в леса,
Все лепные украшения
Сняли в полчаса.
Наконец, леса упали
Раннею весной,
И открылся нашим взорам
Замок ледяной.
Ледовитым океаном
Расстился пол.
Под дрейфующую льдину
Сделан каждый стол.
Смотрят белые медведи,
Нерпы и моржи,
Как сверкают ледяные
Вилки и ножи.
Победив свою привычку
К градусам иным,
Присмотрелись горожане
К стенам ледяным.
Сквозь арктические окна
Был веселый свет.
Каждый мог по вкусу выбрать
Завтрак и обед.
Только снова заслонили
Тучи горизонт,
Только снова прикрепили
Досочку: «Ремонт».
От оленей, от тюленей,
От сплошного льда
Не оставили в помине
Даже и следа.
Снова месяцы ремонта,
Снова пробил час,

И тропическое лето
Охватило нас.
Мы с мороза попадаем
Прямо на курорт,
Мы из фруктов и продуктов
Видим натюр-морт.
Виноградные побеги
Вьются по стенам,
Абрикосы и кокосы
Подаются нам.
И под пальмою у входа
В новый бильярд
Гложет кухонные кости
Мирный леопард.
Сквозь тропические окна
Был веселый свет.
Каждый мог по вкусу выбрать
Завтрак и обед.
Мы уже привыкли к югу,
К тиграм и слонам,
Но другие перемены
Угрожают нам.
Кто обдумывает новый
Фееричный план?
На каких широтах будет
Новый ресторан?
Мы не знаем,
Что за тайна
Ожидает нас,
Но придет неотвратимый,
Неизбежный час,
Заслонят опять лесами
Ясный горизонт
И опять прибьют дощечку:
«Заперт на ремонт».
М. МАТУСОВСКИЙ,
М. АЛИГЕР

КЛАССИКИ: — Эх, нам бы вашу тематику!
СОВРЕМЕННЫЕ ДРАМАТУРГИ: — Эх, нам бы ваше уменье!

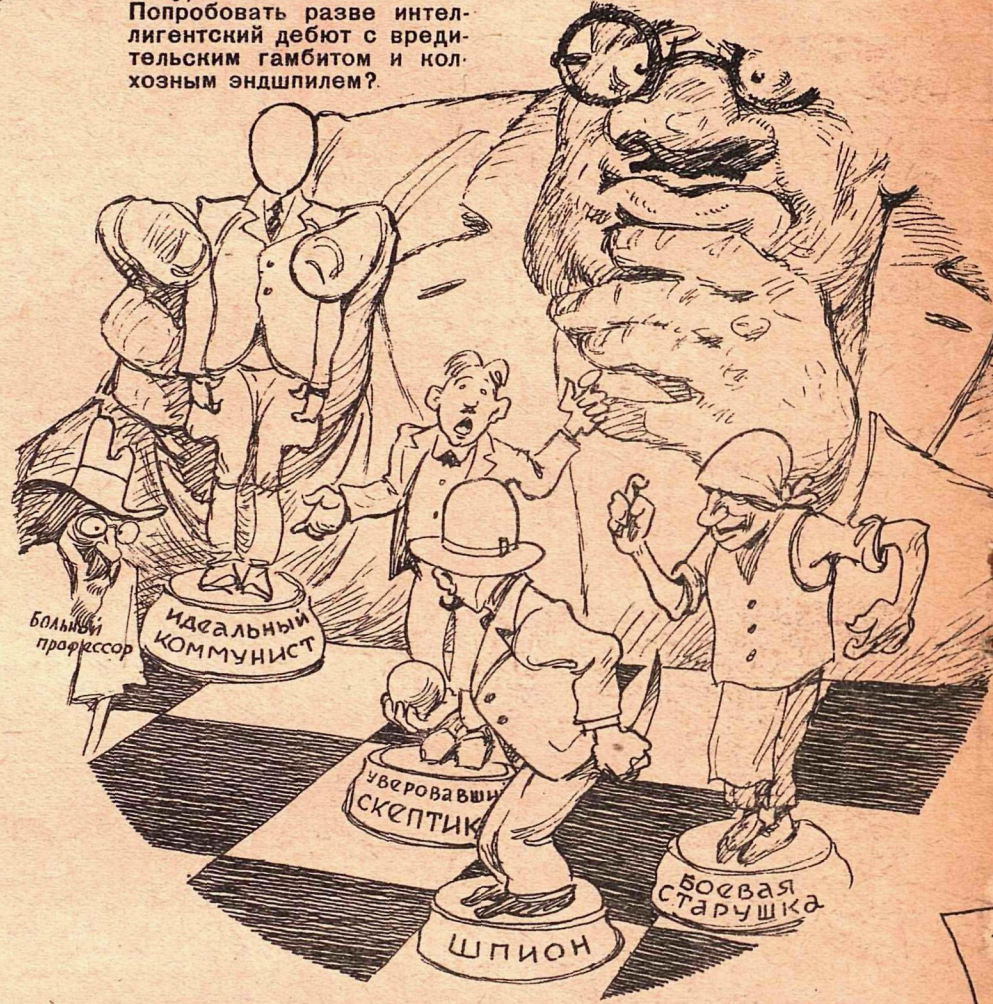

— А пьесу ругало только шесть человек.
— Неужели?
— Ну, да! Было продано только шесть билетов.

ДРАМАТУРГ В ЦЕЙТНОТЕ

— Чорт возьми, сезон на носу, а пьеса не клеится! Попробовать разве интеллигентский дебют с вредительским гамбитом и колхозным эндшпилем?

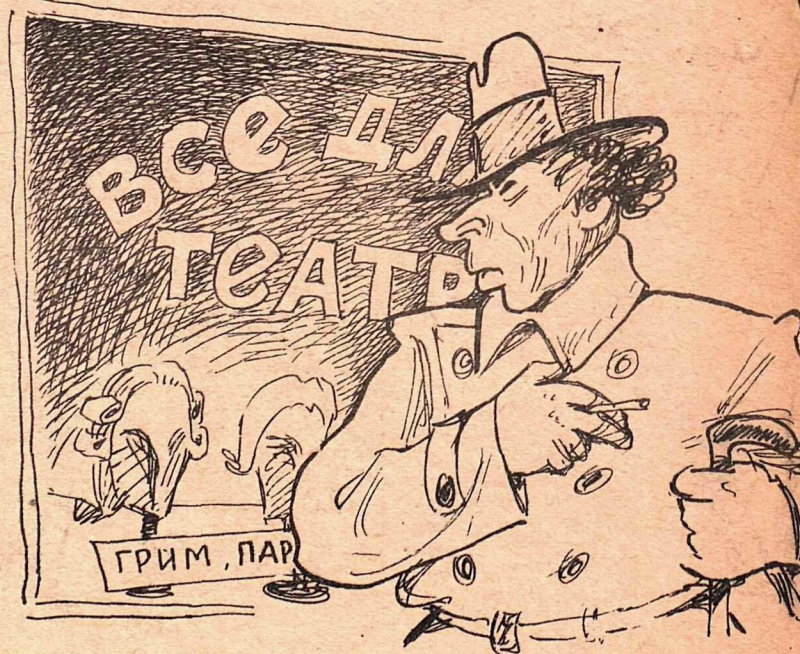

на сегодня
Все билеты проданы

...Театр, конечно, ошибся, поставив эту бессодержательную, легкомысленную и пустую (несмотря на кажущееся веселье) пьесу, которая...

Текст, не устраивающий театр.

Текст, вполне устраивающий театр.

ДИРЕКТОР: — Какая наглая реклама. Пишут: „Все для театра“, а зрителей не отпускают.

сегодня
СТАКАН
ВОДЫ

КАССА

ПО ИНЕРЦИИ
Дайте два с сиропом.

КЛАССИКИ ОПЕРЕТТЫ: — За что вы нас разбрали, гражданин рецензент?
— Ничего подобного. Я ругал новую, современную оперетту.
— Вот именно. Так в ней же половина музыки наша!

репертуар
на сезон 1940-41г.

"Сын 4^х отцов"
"Мой БЭБИ"
"Тетка Чарлея"

Опасный поворот (не по Пристли).

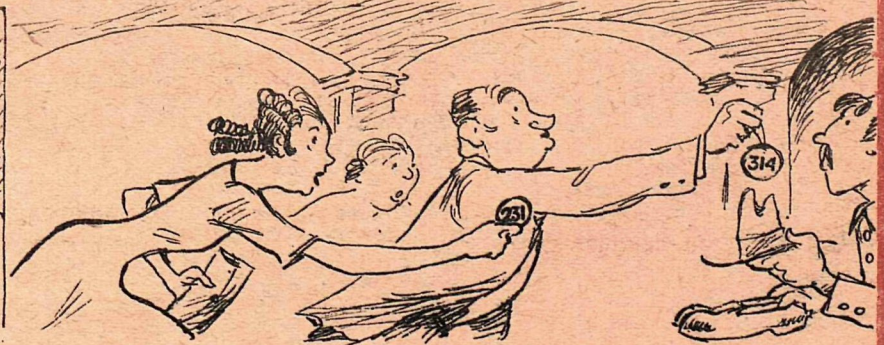
касса

РЕПЕРТУАР

с 11 часов 21 июня

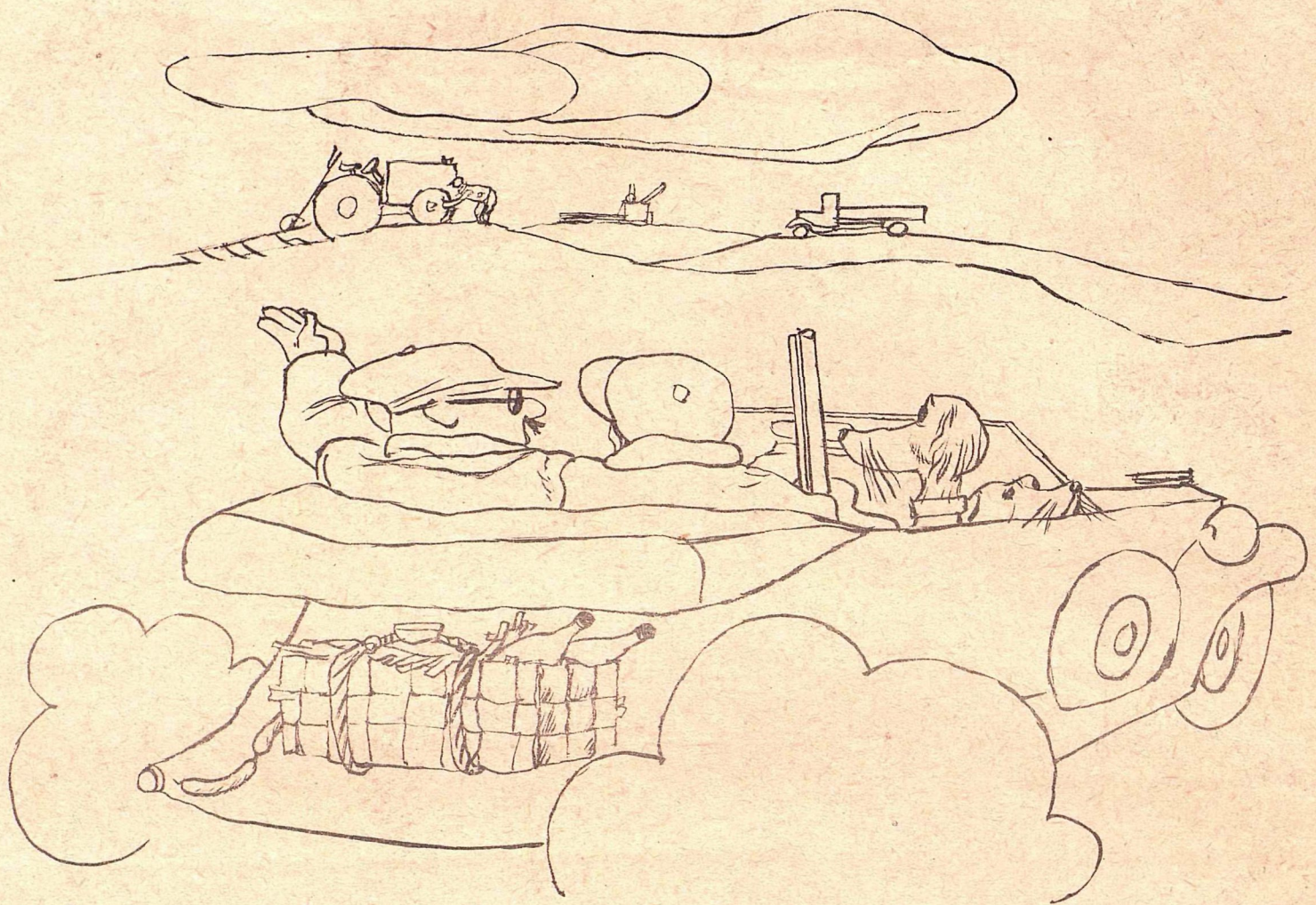
1940

— Ты, кажется, взял места, на которых в этом театре ничего не слышно?
— Ну, и что? При таком репертуаре это только плюс.

Бурный финал.

Рис. М. Черемных

— К чему весенние проверки? То ли дело осенью: едешь и видишь: тут трактор не тянет, там комбайн не работает...

Цезарь

ДВЕРОЧКУ прикройте поплотнее, вот так! — сказал директор и подвинул кресло. — Садитесь, голубчик. Ай-яй-яй-яй! Глазки ввалились, щеки отекли... Разве ж можно себя до такого состояния доводить?! А? И совсем не надо было приходить на работу. Ведь больны, верно, товарищ Барсюк? Очень больны?

— Не болен я, — сказал Барсюк, отводя глаза в сторону.

Директор горестно всплеснул руками:

— Родненький мой! Тогда знаю, тогда понятно, в чем дело! Папа умер, да? Ну плачьте, плачьте, не таяйтесь? Зачем же пришел, раз такое горе?

— Не умирай у меня папа! — сказал Барсюк. — Именинник он был, папа-то. Я именины справлял. Сами, небось, знаете: старикам везде у нас почет. Сейчас уж отошло, слава богу, только мне в глазах и все кругом в крапинку. — Он с отвращением поглядел на директора и прикрыл глаза.

Дрожащей рукой директор налил ему воды. Барсюк громко глотнул и сказал:

— Ну и прогулял! Сам знаю. А вы до моего папы не касайтесь и душу из меня не мотайте. Под суд, так под суд. Больше трех месяцев не дадут!

Директор мелко задрожал:

— Какие три месяца, Барсюк милый! Вам три за прогул, а мне за срыв плана сколько? Кто мне будет выполнять план? Леопард в зоопарке? Ах, золотишко, ведь я вам не чужой, ведь я вам директор, обо мне-то вы не подумали, злой Барсюк, нехороший!

Он открыл дверь и сказал громко Барсюку, но так, чтобы слышала вся контора:

— Вот так комфлет! Как же это вы могли позабыть, что вы нынче за пот раз отгуливаете? — он дробно засмеялся и взял Барсюка под локоть. — Идите домой, милочка моя, отдыхайте. Ведь такая добросовестность, ей-богу!

Он бережно провел по конторе мрачного Барсюка и, когда тот переступил порог, даже послал ему вдогонку воздушный поцелуй.

Делопроизводителю он сказал:

— Товарищ Пичугин, отметьте там Барсюка, что он отгуливает.

— Сам я завтра отгуливать пойду, — сказал Пичугин. — У моей тети фокстерьерша четверых кутят принесла. Тетя звала хвосты им рубить.

— В прогульщики захотели? — строго спросил директор.

Пичугин фыркнул и небрежно двинул чернильницу. По бумаге поползла жирная фиолетовая лужица.

— Что значит «в прогульщики»? Придираетесь! Одним можно, а другим нет? А если вам мой нос не нравится, можете уволить. Хоть сейчас.

— Ах, ах, Пичугин! — укоризненно сказал директор и прошел к себе.

Через минуту он позвал:

— Анна Степановна, прошу вас.

Инструкторша вошла в кабинет пляшущей походкой.

— Нюбочка, вы умная женщина, — жалобно сказал директор, — что же это делается?

— А именно? — с достоинством спросила Анна Степановна, гордясь, что директор ни с того ни с сего назвал ее умной женщиной.

— Я говорю про Пичугина, про Барсюка, про всех, — объяснил директор. — Житья от людей не стало. Я-то стараюсь, дисциплину поддерживаю, а они чего-то недопонимают, ей-богу!

— А вы их увольте, — сказала Нюбочка.

Директор замахал руками:

— Это чтоб слух прошел, что я им друг-приятель, горячая родня? Скажут, что у них давно нос на сторону свистит, а я им потакаю? Господь с вами, Нюбочка.

Инструкторша поморгала глазками и вдруг догадалась:

— Как это интересно! Значит, теперь они будут вам хамить, а вы будете молчать, ага? Нюбочка встала:

— Дудки! Чем же я хуже других? Какую жалельницу нашли! И не зовите меня больше. Не девочка. А не нравится, — уже на пороге угрожающе сказала сна, — можете уволить. Пусть думают, что я летун, а вы моя горячая родня. Небось, по головке-то не поглядят!

— И ты, Брут! — вскрикнул директор.

На это Нюбочка ничего не ответила и вышла, но сейчас же подробно выяснила у Пичугина, что это еще за Брут: подсудно это или неподсудно.

Когда директор тихо проходил мимо нее, она сказала громко и уничтожающе:

— Тоже мне — Цезарь!..

В. КАРБОВСКАЯ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ

Рис. Н. Радлова

Ботвинник

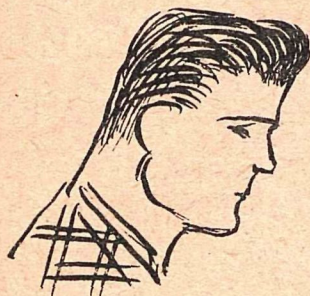
Керес

Котов

Левенфиш

Лизен Таль

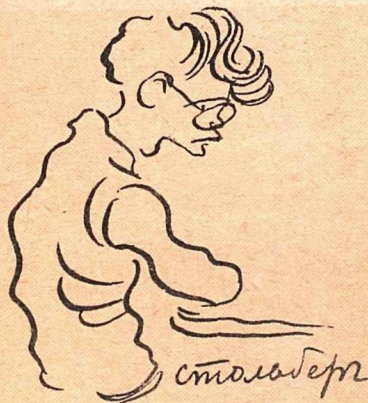
Рогозин

Петров

Микенас

Стальберн

Бондаревский

Вересов

Сименов

Герштейн

Рудakovский

Макаронов

Панов

Лешченко

Балашовский

Харитоновский

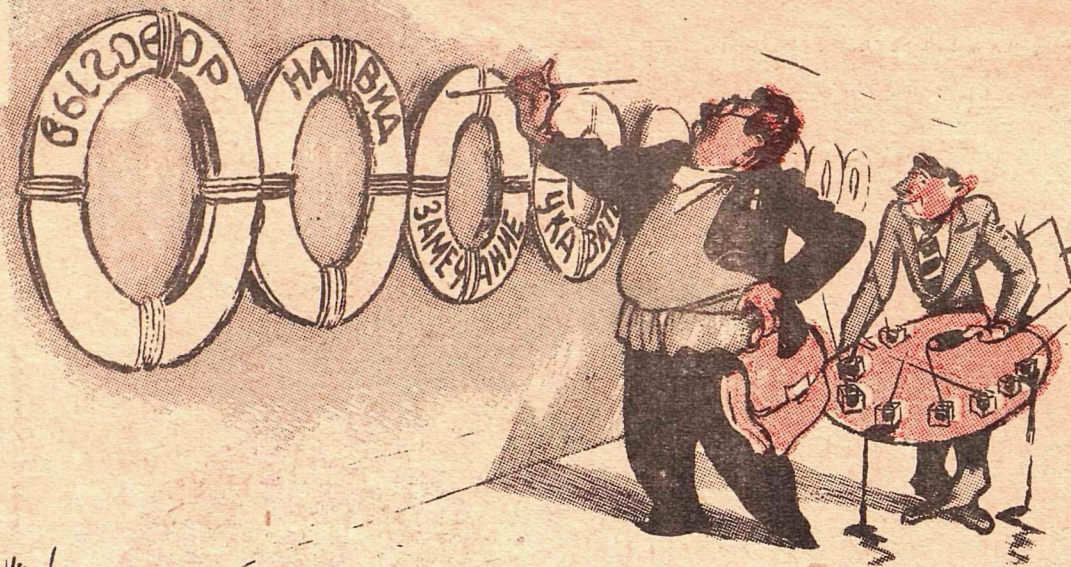
Жданов

Без легкомыслия и спешки
Ведется умная игра.
Здесь ни одной не видно пешки,
Здесь острой мысли мастера.

И всюду, общие приметы:
Бороться, жить, атаковать,
Чтобы стратегию победы
В труде и в битве воплощать!

СПАСЕНИЕ ПРОГУЛЬЩИКАМ

Рис. Б. Клинка

— С этим всегда выплывешь.

На пляже

ВЕЧЕРОМ, когда ложились спать, счетовод Костя Петров сказал своему соседу по комнате, бухгалтеру Бузыкину:

— Ну и чудак же наш директор!

Бузыкин, который распутывал в это время узел на ботинке, поднял красное от натуги лицо и с неудовольствием спросил:

— Это почему же чудак?

Костя весело рассмеялся:

— Ну посудите сами. Иду я сегодня утром по пляжу, а он на песке лежит, греется. «Здравствуйте, — говорю, — Осип Максимович». «Здравствуйте, — отвечает. — И вы здесь, в доме отдыха? Ну как вам природа и вообще?»

Слово за слово разговорились. Спрашивает он, между прочим, хорошо ли я плаваю. «Ничего, — говорю, — плаваю прилично». «А давайте, — предлагает он, — кто кого перегонит. Я хоть и солидной комплекции, а плавать очень здоров. Многие даже не верят». «Что ж, — отвечаю, — давайте попробуем». «Вон, — говорит он, — до того островка. Как скомандую, так бросаемся вместе». Разделся я, стал с ним рядом и по его команде — в воду. Плыву, а сам думаю: «Неужели этот толстяк меня в самом деле обгонит? Нет, не бывать этому!» И нажимаю что есть сил. Вот и островок. Выхожу на песок, оглядываюсь и не могу сдержать улыбку. Мой «соперник», оказывается, едва до половины пути добрался. Увидел он, что я доплыл, поворачивает обратно. Плыву и я назад. Почти вместе выходим на берег. Вижу я: он злой как черт. «Что, — говорит, — радуешься, небось? А чего радоваться? Ведь вы, поди, в два раза моложе меня. Какая же тут заслуга — старика обогнать? Тоже мне чемпион выискался!» Ничего не сказал больше, оделся молча и молча ушел...

— Н-да, — после паузы задумчиво проговорил Бузыкин, — нехорошо получилось. Человек он почтенный, уважаемый, а вы его так...

— Да как — «так»? — удивился Костя.

— А так, — раздраженно заговорил Бузыкин. — Может, он через такой факт на все время отпуска настроение себе испортил? Может, он и на работе этого случая не забудет? Может, он не только на вас, но и на ком другом раздраженное свое сорвет? Уж больно вы самолюбие его задел!

— Трагедия, — иронически протянул Костя.

— И какой вы, братец мой, недогадливый, — сокрушенно продолжал Бузыкин. — Ну что вам стоило во время этого состязания поотстать малость? Я вот тоже плаваю недур-

но, а очутись на вашем месте, так нарочно сделал бы вид, что еще на воде держусь. Куда спокойнее было бы!

— А вы попробуйте это сделать, — усмехнулся Костя. — Директор каждый день на пляже бывает.

— И попробую, — оживился Бузыкин. — Разве можно это так оставить?

На другой день, проходя по пляжу, Костя увидел распростертыми на песке две знакомые фигуры — директора и бухгалтера. Директор лежал, широко разбросав волосатые руки и гордо выставив шаровидный живот, а Бузыкин робко ютился около него, подобрав под себя ноги и опираясь головой на согнутую руку. Директор что-то неторопливо рассказывал бухгалтеру, а тот внимательно и умильно слушал его, время от времени утвердительно покачивая головой.

Когда вечером Костя возвратился к себе в комнату, Бузыкин лежал уже в постели. Сначала Костя подумал, что сосед его спит, но, услышав протяжный вздох бухгалтера, окликнул его. Бузыкин заворчался и замычал себе что-то под нос. Он был, повидимому, чем-то недоволен и явно не желал вступать в разговор.

Но Косте не терпелось узнать результат встречи Бузыкина с директором, и он еще раз окликнул бухгалтера.

— Ну чего вам? — нехотя отозвался Бузыкин.

— Как ваше состязание? — спросил Костя.

Бузыкин помолчал с минуту, а потом вдруг сказал мрачным, гробовым голосом:

— Все пропало!

И, не дожидаясь на этот раз вопроса Кости, заговорил медленно и сокрушенно:

— Вызвал он меня, действительно. Видно, у него такая слабость — всех вызывать на соревнование. Поплыли. Я, конечно, стараюсь отстать, а он всюю загребает сажонками. Вот уж он у финиша, а я еле до середины добрался. «Ну, — думаю, — все в порядке — дело сделано!» Вдруг вижу: начинает он как-то судорожно руками и ногами двигать и вроде захлебывается. Слышу: меня зовет. «Ну, — думаю, — тонет!» Нажал что есть сил, спешу к нему, кричу, чтобы подождал тонуть, но только слова мои мало действуют: захлебывается он все больше, и одна только лысина над водой блестит. Наконец, когда был я от него в двух шагах, выкарабкался он каким-то образом из воды, рванулся вперед и до-

плыл до острова. У меня — как гора с плеч, но сердце екает беспокойно. «Как-то, — думаю, — я из этой истории выплыву?» Ну и досталось мне на орехи! Стоим мы друг против друга, с обеих вода течет, дрожим оба, и он мне нотацию читает. «Вы, — говорит, — молодой человек (даже молодым человеком меня назвал!) как утюг плаваете, а лезете со мной соревноваться! Я, — говорит, — плаваю блестяще, а если в ногах иногда судорога случается, то это значит, что надо мне подбирать себе достойных партнеров, а не таких, как вы. С вами, — говорит, — только в заплыве на тот свет участвовать можно! Хвастун вы, — говорит, — бессовестный...» Вот, — скорбно закончил свой рассказ Бузыкин, — и выходит, что напортил я себе так, что идти дальше некуда.

Бухгалтер замолчал, вздохнул глубоко и после минутной паузы сказал задумчиво:

— Вот и разберись тут, как лучше плыть, если с начальством дело имеешь. опередить директора — плохо, слишком отстать от него — тоже нехорошо...

В. АФАНАСЬЕВ

КОРОТКАЯ ПАМЯТЬ

В одном из наших южных приморских городов жил до революции некий профессор мнемоники. Широковещательные газетные объявления уверяли, что почтенный профессор, пользуясь вполне научным методом, «укрепляет человеческую память». И действительно, укреплял. Но однажды маститый ученый сам где-то забыл калонши и до конца дней своих так и не мог вспомнить, у кого он оставил эту необходимую принадлежность осенне-зимнего туалета.

Есть основания думать, что начальник отдела кадров Главного управления местных торгов Наркомвнуторга РСФСР Россиус был учеником ныне уже покойного профессора мнемоники.

Недавно в адрес Новороссийского горкома ВКП(б) поступила такая бумага:

«*Просим выслать решение Горкома об утверждении тов. Юркова директором Новороссийского Горторга.*

Решение Горкома необходимо для оформления приказа о назначении тов. Иванова в должности директора Россиуса.

По просьбе работников Новороссийского горкома напоминаем начальнику кадров, что Юрков состоит в его, Россиуса, ведении уже около двух лет, поскольку он является директором Новороссийского торга с октября 1938 года.

Пользуемся случаем засвидетельствовать также и то обстоятельство, что Юрков — не Иванов, Иванов — не Юрков и что Россиус — хотя и начальник кадров, но кадров своих не знает.

С ВЫРАЖЕНИЕМ НА ЛИЦЕ

Среди прочих документов, поступивших от будущих студентов в Московский горный институт, заслуживают внимания две справки, выданные нотариусом Веневского района (Тульской области).

В справке на имя Екатерины К. нотариус И. Правдин своею подписью и печатью удостоверил «торжественность лица на фотокарточке, представленной Екатериной К».

Чтобы не подумали, что здесь имела место случайная ошибка, нотариус И. Правдин скрепил своею подписью и круглой печатью вторую справку, где удостоверил «торжественность лица на фотокарточке, представленной Александрой С.».

К сожалению, нам ничего не известно, какие еще выражения лица может удостоверить нотариус Веневского района и как это делается. Сообразно обстоятельствам, что ли? Поступающим в вуз тов. Правдин удостоверяет «торжественность лица», готовящимся в отпуск — «усталость лица», а собирающимся разводиться — «меланхолию лица».

ПАТРИОТ ПОНЕВОЛЕ
(Японские картинки)

Рис. Л. Бродаты

— Отдай посуду на военные нужды. Для нынешней пищи хватит и одного чайника.

Рис. Г. Валька

— До чего скучно и однообразно пишут радиослушатели. Во всех письмах одно и то же: „Скучно и однообразно...“

С ДУШИСТЫМ ПРИВЕТОМ

ОБРЫВАЯ лепестки ромашки, инструктор агрегата Ашхабадской швейной фабрики Типкина гадала:
— Откажет. Не откажет. К чорту пошлет. На фабрику вернет. В суд отправит. Работать заставит. Откажет... Ах, какая беда! Опять не то выходит. Как же мне все-таки добиться отпуска за свой счет, а потом совсем уйти с фабрики?
Типкина все более нервничала. Думала, гадала и никак не могла найти способа разжалобить Садыкова, начальника пошивочного цеха.
— Написать ему письмо? А какими словами за душу хватить человека? Раньше хоть письмовники существовали, в которых сколько угодно можно было найти правил и примеров для составления писем: душещипательных, со слезой, гневных, ласковых... А теперь? И чем только заняты у нас писатели? Сочиняют, а толку ни на грош.
Типкина взволнованно мяла траву и вдруг засияла:
— Не откажет! Не откажет! Ей-ей, не откажет!
Она вспомнила, что Садыков — большой поклонник природы, что он неравнодушен к лугам, перелескам и другим предметам естествознания.
— Вот мы и возьмем его сердце в плен. Тов. Садыков сделается мягче воска, а я смогу быть в отпуску до второго пришествия.
Типкина возвратилась домой. Молниеносно в руках очутилось перо. На бумагу побежали кудрявые строчки:

«Уважаемый сотрудник, товарищ Садыков!

Посылаю я вам свой товарищеский привет и желаю всего хорошего в ваших успехах и работе. Товарищ Садыков, я сюда приехала и не надышусь свежим воздухом. Лето замечательное! Какая красота, как хорошо дышать свежим воздухом! И луга и поля покрыты зеленью, как самым лучшим бархатом. Товарищ Садыков, я буду вас просить... Возможно, я и не приеду, но вначале, как по порядку, буду просить отпуск без содержания на один месяц. С приветом Типкина».

Письмо запечатано в конверт. Летит весточка из Куйбышевской области в знойный город Ашхабад, на швейную фабрику, попадает прямо в руки адресату.

Сколько восторгов, умиления вызывает это письмо! Сочинительница попала в цель. Тов. Садыков, получив душевный привет от лугов, полей и прочей зелени, совсем потерял голову. У него не повертывался язык, чтобы отказать милой просительнице. Он не в состоянии был подписать приказ о привлечении к ответственности злостной нарушительницы трудовой дисциплины.

Луга, свежий воздух, бархат и вдруг — приказ. Нет, Садыков не так прозаичен.

А. АНОХИН

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Преимущества коллектива перед одиночками бесспорны. Это еще раз блестяще доказано администрацией бакинском парка культуры и отдыха «Роте фане» в объявлении о шестом общебакинском карнавале. Там прямо говорится: «Все виды зрелищ бесплатны. Коллективам скидка 20 процентов».

Бедные одиночки! Как, вероятно, грустно было вам бесплатно развлекаться, сознавая, что в это же время за те же бесплатные развлечения организованный зритель получает еще 20 процентов скидки!

Только с чего скидка? Не с безграмотности ли администрации парка культуры и отдыха?

С. ВОРОНИН

Город Избербаш,
ДагАССР.

Дорогой Крокодил!

Спешу сообщить тебе новость: редакция нашей городской газеты «Большевик» переехала в новое помещение. Хотя это событие и не является исключительным, так как за последние пять лет редакция

меняет уже четвертое место, все же в очередном номере газеты появилось объявление, умилившее читателей своей лаконичностью и ясностью:

«Редакция газеты «Большевик» переехала в помещение, где помещалась прежде».

И ходят читатели по городу и спрашивают встречных, не знают ли они, где помещалась редакция прежде. И вместе с тем читателей охватывает тревога: а что если редакция снова вернется в свое обиталище? Тогда, несомненно, последует такое объявление:

«Редакция газеты «Большевик» переехала в помещение, где она помещалась до переезда в прежнее помещение».

Коротко, ясно и понятно.

Ф. ГОРЯЧЕВ

Город Гусь-Хрустальный,
Ивановской области.

Дорогой Крокодил!

Не так давно сотрудники Ивановского областного отделения «Союзкишпродукт» были потрясены гениальным открытием в обла-

сти математики. Нашим главком было доказано, что $67=100$.

Впрочем, это событие несколько не удивило управляющего отделением тов. Пономарева: он с большим хладнокровием, не моргнув глазом, расписался в получении 700 рублей премии за выполнение плана, хотя знал, что план по заготовке сычугов выполнен на первое полугодие 1940 года всего на 67%.

Приказом Наркомата мясо-молочной промышленности, кроме управляющего, был также удостоен премии в 250 рублей инструктор Чиков. Радостная весть не могла произвести впечатления на упомянутого «энтузиаста» по очень простой причине: никакого Чикова не оказалось не только налицо, но и в штатах отделения: этот инструктор еще в 1939 году растаял с Ивановским отделением.

Нам сдается, что главок, представляя наркомату список сотрудников, достойных премии, не имеет ни малейшего представления об их работе. Не ожидают ли работники главка награды за перевыполнение плана по премированию лиц, недовыполнивших программу?

П. ГЛАЗОВ

Город Иваново.

Дорогой Крокодил!

Недавно мне в руки попал документ, который в качестве интереснейшего экспоната может украсить одну из витрин Музея коммунального хозяйства.

Речь идет всего только о счете, простом коммерческом счете, полученном нашей ремонтной конторой от Всеукраинского объединения «Укркоммунснаб».

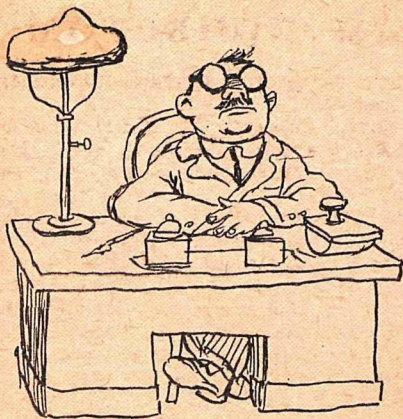
Через вышеупомянутое объединение мы выписали 150 погонных метров электропровода. Стоимость его составляет 12 рублей 83 копейки. Однако комбинаторы из «Укркоммунснаба» прислали нам счет на 112 рублей 73 копейки. Оказалось, когда мы изучили этот любопытнейший документ, что погрузка (очевидно, специально закупленным 5-тонным краном) 3 килограммов провода стоит 10 рублей 40 копеек, транспортировка этого груза (очевидно, на 10 грузовиках) обоилась нам в 38 рублей 70 копеек, а за фрахт (не иначе, как в купе международного вагона) мы уплатили 40 рублей 30 копеек.

Ну разве все это, товарищ Крокодил, не для музея?!

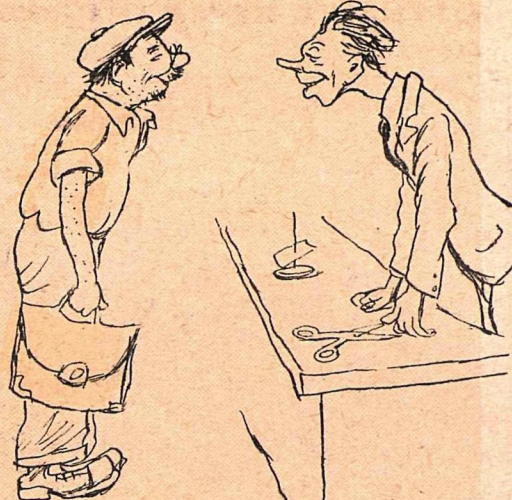
Н. ДОНЧЕНКО

Город Черкасы,
Киевской области.

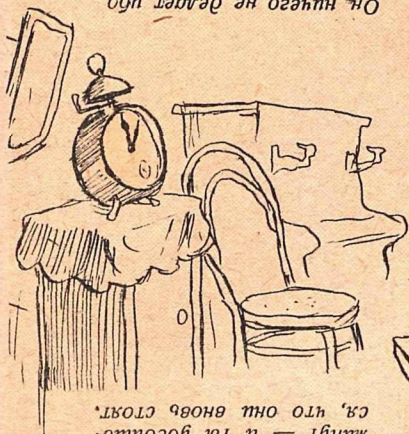
В чем дело?

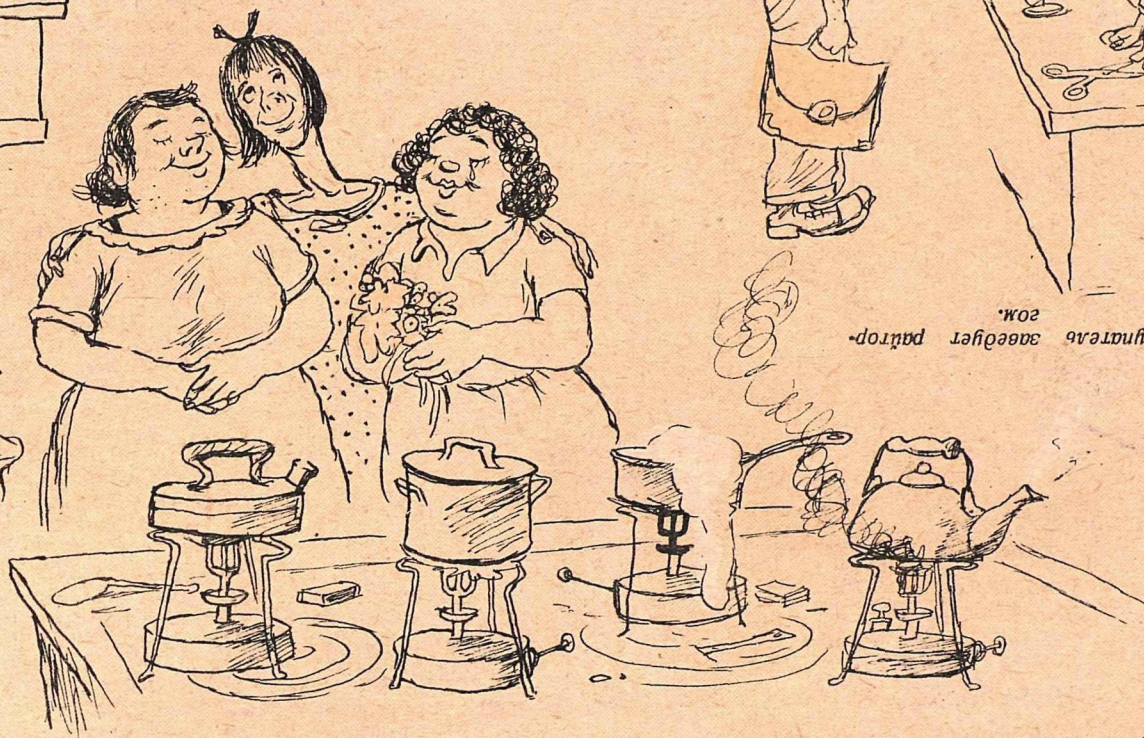
Он ничего не делает, ибо уже уверен и сидит до-
ма.

Покупатель заводит разговор.

Часы пять минут как
из ремонта. Взгляни на
русьинок еще через пять
минут — и ты убедишь-
ся, что она вновь стоит.

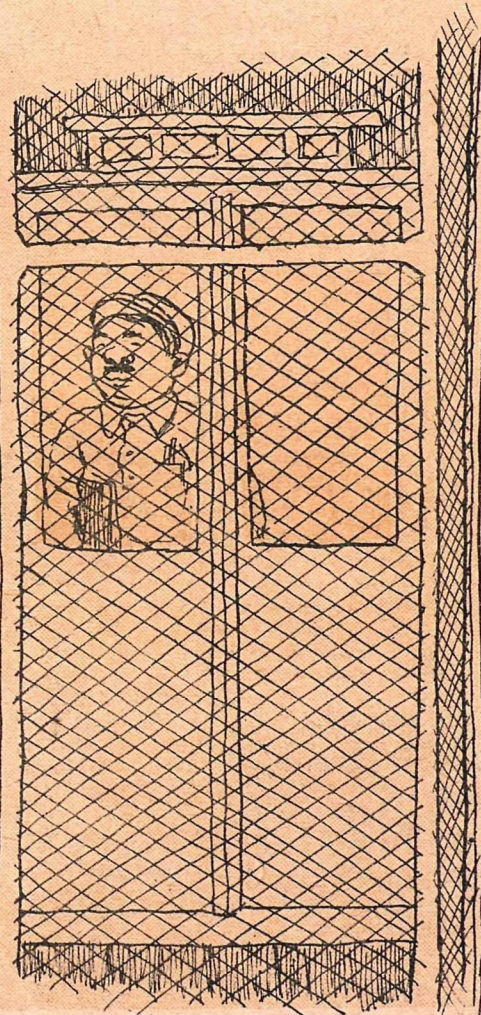
Это пенница лакированной пьесы.

Правда все равно сейчас ходит.

Управдом живет на
восьмом.

Эти рисунки кажутся невероятными: бездельник благополучно благодушествует; покупатель и продавец взаимно вежливы; часы идут нормально; на кухне мирное содружество хозяек; старушке уступают место; лифт работает. Об'яснение всех этих несуразностей читай, перевернув рисунок.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во „Правда“.

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 945.

Сдача текста и рисунков 10/IX 1940 г.

Подписано к печати 18/IX 1940 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 32026

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3079. Тираж 271 000 экз.

